№ 39.

Цѣна 20 к. в провинціи 25 к.

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Николаевская ул., д. 26.
Телефон 40—01.

Секретарь и казначей редакціи принимает ежедневно, кромѣ воскресеній, в помѣщеніи редакціи с 5—7 ч. вечера.

Контора редакціи открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИК

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП.

Условія подписки.

на 1 мѣсяц . . . . . . 4 р. — к.
на 2 „ . . . . . . 7 „ 50 „

Перемѣна адреса 40 к.

Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника“, Николаевская 26 и во всѣх группах федераціи.

Подписка принимается на ежедневную газету только с 1-го числа.

Воскресеніе, 31 декабря. ЕЖЕДНЕВНО. 1917 год.

Старый Год разбил оковы
Капитала, Церкви и Власти.
Новый Год несет:
Коммуну, Свободу в Равенствѣ и Братство!

Товарищи и братья трудящіеся Невскаго района!

Тысячи лучших жизней ваших родных и собратьев были пожертвованы за народную Свободу.

Тысячи долгих лѣт проведены в казематах и тюрьмах за освобожденіе Народа.

И когда, окованный путами и доведенный до полнѣйшаго истощенія, Народ возстал и поднял голову для борьбы против своих угнетателей, [illegible] цѣль порвалась,—цѣль самодержавной тираніи.

Десять прошедших мѣсяцев послужили большим уроком для исканій тѣх зол и несчастій, которыя, как скорпіоны, впились в тѣло трудящихся масс.

Но с каждым мѣсяцем, днем и часом становилось все яснѣе и очевиднѣе, что всѣ нужды, несчастія и невзгоды существуют и будут существовать до тѣх пор, пока мы сами громко не скажем: **НЕ БУДЕМ ПОДДЕРЖИВАТЬ БОЛЬШЕ ЗАРАЗНЫХ БАЦИЛЛ НАШИХ БѢДСТВІЙ, НЕ БУДЕМ НИ ОТ КОГО ОЖИДАТЬ ИЗБАВЛЕНІЯ НАС ОТ ВИСЯЩАГО НАДЪ НАМИ КОШМАРА БѢДНОСТИ, РАБСТВА И ПОЛОЖЕНІЯ БЕЗГЛАСНОЙ РАБОЧЕЙ СКОТИНЫ!**

Вопрос о квартирной нуждѣ для нас также вопрос жизни, как и о хлѣбѣ.

Нам не нужно говорить, что мы, рабочіе, созидатели богатств прозябаем в полнѣйшем экономическом рабствѣ.

Но все-таки до наших дней немногіе задавали себѣ вопрос: **ПОЧЕМУ И ДЛЯ ЧЕГО Я ПЛАЧУ ЗА ЖИЛИЩЕ—КВАРТИРУ?**

А, вѣдь, не мы-ли и не наши-ли дѣти болѣют, чахнут и испытывают холод, сырость, смрад, тѣсноту и всѣ послѣдствія этих зол?

Развѣ не мы, придя с работы, во многих случаях принуждены спать на полу, чтобы уложить своих дѣтей на кроватях и сундуках, и покрываться грязными лохмотьями?

Развѣ не мы спим с нашими дѣтьми на полу, сквозь который дует и в помѣщеніях, гдѣ из дверей и окон несет холодом?

Не мы ли и наши братья и сестры должны снимать углы и кухни с клопами и паразитами, прозябать без свѣта и воздуха?

И не потому ли должны мы все это переносить, что из за экономическаго рабства мы отрываем не малую часть заработанных нами денег, чтобы отдать их в счет квартирнаго оброка?

Развѣ не квартирным оброком—платой создается и поддерживается племя тунеядцев—домовладѣльцев, которые не работая живут на наши трудовые гроши?

Все это испытывать и переносить должны мы и только потому, что **ДОМА, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЕМ, СЧИТАЮТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ТУНЕЯДЦЕВ—ДОМОВЛАДѢЛЬЦЕВ.**

Слѣдовательно, если мы сейчас не будем бороться со всѣми паразитами за свое право на существованіе и за справедливое рѣшеніе квартирнаго вопроса, то и наши дѣти пойдут на фабрики и заводы, как шли мы, будут терпѣть нужду, не доѣдать и натруждать кровавыя мозоли на руках для того, чтобы отдать в срок за квартиру, чтобы избѣжать насильственнаго выселенія, чтобы не быть вышвырнутыми со всѣм нашим семейством и пожитками, на улицу в любое время года.

А потому, как это сдѣлано во многих мѣстностях Россіи и как это дѣлается у нас в Петроградѣ, мы должны, поняв все это **ГРОМКО ЯСНО И ОПРЕДѢЛЕННО СКАЗАТЬ**—так громко, чтобы это услышали наши враги—эксплуататоры—домовладѣльцы,—**ЧТО МЫ ЗА ЖИЛИЩА, КОТОРЫЯ СДѢЛАНЫ НАШИМИ ЖЕ РУКАМИ И РУКАМИ НАШИХ БРАТЬЕВ—РАБОЧИХ И В КОТОРЫХ НЕОБХОДИМО НАМ ЖИТЬ, НИКАКИХ ОБРОКОВ НИКАКИМ СОБСТВЕННИКАМ** из наших трудовых денег **БОЛЬШЕ НЕ ДАДИМ.**

Но так как нам жить надо под такими крышами, чтобы сквозь них не капало и вообще для того, чтобы жилища наши были в исправности, то мы будем, по справедливому распредѣленію между всѣми живущими в каждой квартирѣ, вносить опредѣленную сумму (примѣрно, самое большее, плату квартиры до военнаго времени, т. е. до мая мѣсяца 1914 г.) через свой Домовый Комитет, в общій Союз Домовых Комитетов Невскаго Района. Эти деньги будут вноситься на текущій счет в Народный банк для того, чтобы на них не содержать больше никаких тунеядцев, а по осмотрѣ врачебно-санитарной и технической комиссіей из самих же живущих в районѣ, **ПО МѢРѢ НАДОБНОСТИ, И НЕМЕДЛЕННО ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ НЕОБХОДИМЫЕ РЕМОНТЫ КВАРТИР.**

НО ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ!

Приняв это, мы скажем, что всякій угнетатель, имѣющій толстый карман и [illegible], сколько ему заблагоразсудится, квартир и [illegible], чтобы в одной поставить рояль или піанино, в другой сдѣлать залу, затѣм спальни, столовую, ванную, гостинную и т. д.,—вы скажете, что каждый из подобных толстосумов-купцов и домовладѣльцев, управляющих, попов или мастеров, кто бы он ни был, должен имѣть столько же жилищнаго довольства, сколько и мы. И мы, созидатели всѣх богатств, отмѣнив кражу—собственность на дома и жилища, из своих углов, кухонь, лачуг и конур переберемся в жилища, по возможности равныя для всѣх товарищей, живущих своим трудом в нашем пролетарском Невском районѣ!

И ЭТО НАШЕ ЗАВОЕВАНІЕ БУДЕТЪ ОГРОМНЫМ КАМНЕМ В ФУНДАМЕНТѢ СВОБОДЫ И РЕВОЛЮЦІИ, КОТОРУЮ ТОЛЬКО МЫ ДѢЛАЛИ И ЗА КОТОРУЮ ВСѢ ЖЕРТВЫ НЕСЛИ ТОЛЬКО МЫ.

Этот шаг нас уже на дѣлѣ приблизит к Свободѣ, Равенству и Братству.

ЭТО БУДЕТЪ НАЗЫВАТЬСЯ ОБОБЩЕСТВЛЕНІЕМ ДОМОВ И ЖИЛИЩ.

Только так должны мы жить и дѣйствовать и только к этому должны идти и стремиться.

Итак, товарищи! Всѣ дома на улицах, в заводах,—всюду,—говорящіе сегодня о современной несправедливости, должны перейти в достояніе всѣх трудящихся. Несправедливость должна быть уничтожена; Будемте-же уничтожать ее!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОБОБЩЕСТВЛЕНІЕ ДОМОВ И ЖИЛИЩ НЕВСКАГО РАЙОНА, А ЗА НИМ ВСѢХ ДРУГИХ РАЙОНОВ И ВСЕЙ РОССІИ!

Свобода и Равенство.

Лозунг всѣх Революцій—„Свобода и Равенство“. Этот лозунг в [illegible] Русской Революціи также [illegible] на первом мѣстѣ, ибо в [illegible] рабочій [illegible] десяток [illegible]

[illegible] чѣм идти на баррикады [illegible] гражданин задавал себѣ вопрос: за что я иду под [illegible] своих врагов—властителей? Разумѣется, отвѣт быстро находился: иду умирать за „Свободу и Равенство“, за освобожденіе угнетенных от рабства, от ига Капитала и Власти, иду против голода и нищеты, и других соціальных и экономических несправедливых условій жизни.

Эти соціальныя и экономическія несправедливости видят всѣ—не только видят неорганизованные рабочіе и крестьяне, но также [illegible] с вполнѣ опредѣленными [illegible] партійные, которые больше всего призывали народ к открытому возстанію, к сверженію всевозможных деспотов—властителей, и они больше, чѣм кто либо другой из неорганизованных трудящихся, старались выдвинуть на первое мѣсто лозунг „Свобода и Равенство“.

Фактически мы уже убѣдились, что при каждой вновь начинающейся Революціи появлялись красныя знамена, на которых было начертано: **„Долой власть и капитал!“ „Да здравствует Свобода и Равенство“!**

Мы не будем называть здѣсь поименно всѣ партіи,—они в своем большинствѣ находятся в стадіи полнаго „разложенія“ и не пользуются никакой авторитетностью в средѣ широких слоев трудящихся масс. Но все-же не мѣшает остановиться сейчас на одной из виднѣйших партій—партіи большевиков, ибо в настоящее время она находится у власти и с ней больше всего приходится сталкиваться.

Призывы этой партіи, пока она еще не была у руля правленія, к Свободѣ, ея призывы к Равенству—доходили до крайняго предѣла. Виднѣйшіе авторитеты партіи были за это гонимы; они арестовывались: их сажали в тюрьмы, нерѣдко называли „германскими агентами“, и, казалось, нѣт в исторіи столь почетнаго мѣста, которое было-бы достойно принять описаніе их дѣйствій за угнетенный народ. Можно было с полной увѣренностью думать, что если перевѣс окажется на сторонѣ бѣднѣйшаго класса и большевики встанут у власти, то „Свобода и Равенство“ будут достигнуты.

В настоящій момент мы достигли этого.

Большевики у власти. Но гдѣ же „Свобода и Равенство“?

Свобода настоящая бывает там, гдѣ есть безвластіе, гдѣ нѣт угнетателей и угнетенных, гдѣ нѣт эксплуататоров человѣческаго труда и гдѣ труд зависит не от хозяина, а только от самого трудящагося класса.

При существованіи власти и эксплуатаціи человѣка человѣком и если власть управляет нами и распредѣляет совмѣстно с хозяевами наш труд, его продуктивность и продолжительность,—свобода немыслима.

Вот что писал П. А. Кропоткин о свободѣ: **„Свобода есть возмож-**

1917—1918.

Год кончается. Кончается, как и начался,—в Революціи.

Но громаден путь, пройденный революціонным народом за [д]евять мѣсяцев революціонной борьбы, громаден сдвиг от сты[д]ливости к сознательности,—от разрушенія к созиданію.

В концѣ февраля Народ-Дитя,—гигант по росту и младе[н]ец по сознательности,—возстал, чтобы сбросить ненавистное [и]го царизма и гнет войны. Сегодня, в концѣ декабря, Народ-[В]еликан, мощно выпрямившись во весь свой рост, не только [р]азбивает, но и творит. Творит, ясно намѣрив себѣ цѣль и [т]вердой поступью идя ей навстрѣчу.

Увѣренна и грозна сегодня поступь Творца-Гиганта. Же[л]ѣзной рукой сбивает он вѣковыя оковы, разбивает тяжелыя [ц]ѣпи и быстро идет к освобожденію. Все дальше отодвигаются [в]ѣхи между старым и новым, все шире становятся проложен[н]ыя дороги, все глубже, непроходимѣе пропасть между Властью [Т]ьмы и Свѣтлым Завтра.

Старое отходит в Вѣчность. Отходит и больше не вернется. [И] на Зарѣ Новаго Года уже ясно вырисовываются контуры [...]ной, бодрой и бодрящей Свободы.

Ликующе зовет она,—зовет вперед, к послѣдней схваткѣ, [в] послѣдній бой,—и обѣщает Побѣду.

И Побѣда будет!

Александр Ге.

[...]ость дѣйствовать, не вводя в [о]бсужденіе своих поступков [из] боязни общественнаго наказанія [т]ѣлеснаго или страха голода, [и]ли даже боязни порицанія, если [т]олько оно не исходит от друга)[1].

В настоящій момент, можно сказать, мы имѣем свободу узаконенную, а потому не можем считать ее свободой.

Наша „народная" власть считает лучшей из всѣх „декретированную"—свободу.

Для того, чтобы осуществить Свободу и Равенство, она почти ежедневно издает множество декретов.

Нѣкоторые из них нельзя назвать иначе, как **закрѣпащающими.** Например: старый декрет, изданный еще правительством Керенскаго, о подоходном налогѣ не только не упразднен, а ему придана еще болѣе реакціонная форма, ибо теперь он гласит, что если кто либо не пожелает платить подоходнаго налога, то за это ему грозит опасность наказанія тюрьмою и даже конфискація имущества. Это дѣлают тѣ, кто до Революціи говорил нам „долой поборы! долой налоги! долой военные займы! и пр. пр. Это дѣлают тѣ, кто так много говорил о свободѣ, которые за свою любовь к свободѣ арестовывались старыми правительствами и были гонимы, которые испытывали сами на себѣ весь гнет власти.

Теперь сами они находятся у власти, и по примѣру прежних властей кормят нас законами-декретами и сажают по тюрьмам.

Бывали случаи, когда рабочіе, выведенные из себя и понявшіе правильность дѣла Революціи конфисковывали дом, в котором они живут. Правительство протестовало и заявляло им, что „еще не время устраивать коммуны". И тѣм самым оно не только отнимало свободу дѣйствій у отдѣльной личности, но и у сотен людей.

Такова свобода, имѣющаяся у нас на практикѣ, и таковы „освободители", находящіеся у власти. Мы не имѣем **права** произвести конфискацію частной собственности благодаря буржуазности нашего правительства. Мы не можем уклониться от выполненія правительственных постановленій, иначе нам грозит тюрьма и конфискація нашего имущества.

Такое положеніе вещей свободой называть никак нельзя, ибо свобода есть только там, гдѣ человѣк имѣет право поступать, как ему подскажет его совѣсть (кромѣ нехороших поступков).

Во Франціи с 4-го сентября 1870 г. до 31 декабря 1892 г. Третья Республика издала 58.854 законов или декретов, что дает, средним числом, 2.675 в год.[2]) и все же мы видим, что французскій народ не только не свободен, но даже хуже закрѣпощен, чѣм прежде.

Даже большевики, заявляющіе себя ярыми сторонниками равенства, поддерживают [...] существующее неравенство. Рабочіе на заводах по сейчас раздѣлены на категоріи, как будто бы люди, работающіе в заводских и фабричных предпріятіях одинаковое количество времени, дѣйствительно чѣм либо отличаются друг от друга. Развѣ они рождены в свѣт по категоріям? Кто виноват, что один рабочій-токарь, а другой—чернорабочій? Кто виноват, что у одного отца сын—студент, а у другого—нѣт? Кто виноват, что один привиллегированный, а другой нѣт и чѣм работа инженера, студента или даже токаря труднѣе работы чернорабочаго?

Если инженер работает много умственно, если токарь учился быть только токарем, а чернорабочій не учился ничему, то из этого нельзя заключить, что труд чернорабочаго легче всѣх. Он таскает на своих плечах в нѣсколько раз больше всякаго ученаго или любого токаря, он только потому ничего не знает, что у его отца не было средств научить его чему нибудь.

Равенство заключается в равноцѣнности человѣческаго труда и нераздѣленія его на категоріи.

Для достиженія свободы и равенства необходимо уничтожить **власть, капитал и привиллегіи.** Необходимо введеніе коммунизма, ибо только при нем можно развить **свободу и равенство.** Всѣ школы будут для всѣх и тѣ, кто хочет что нибудь знать, будут в состояніи пріобрѣсти знанія, ибо двери школ и университетов будут открыты для всѣх.

Неравенство соціальное порождается капиталом. Его можно устранить только соціальной революціей, только провозглашеніем **Анархіи и Коммуны.**

Ив. Смирнов.

[1]) П. А. Кропоткин „Коммунизм и Анархія" 1917 г. стр. 25.

[2]) С. Фор. „Мировая Скорбь 1906 г. 322 стр.

Машины и рабочіе.

Стремясь к лучшему общественному строю, рабочій класс служит дѣлу прогресса и становится его лучшим орудіем прогресса. „Все способствует в современной эволюціи цивилизованных обществ,—пишет П. А. Кропоткин,—пробужденію интеллигентности эксплуатируемых и их чувства личнаго достоинства. Все помогает распространенію среди них знанія и сознанія соціальных несправедливостей. Все клонится к разрушенію иллюзій, которыя так склонны создавать эксплуатируемые для того, чтобы поддержать свое мужество в превратностях борьбы."

В числе их, указком на то, что новѣйшіе сложныя машины, требующія от рабочих громадной внимательности и способности слѣдить чуть ли не за незамѣтными, быстрыми движеніями машин, заставляют рабочих особенно быстро прогрессировать в умственном отношеніи. „Полное преобразованіе—Сорель,—произошло в нравах рабочих; косность, тупая озлобленность и нерадивость, свойственныя рабочему в эпоху голодной заработной платы, окончательно исчезли: он заинтересовался своей машиной. Слишком долго думали, что современная машина позволяет употреблять труд низкаго качества и что весь интерес хозяина состоит в том, чтобы удлинить рабочій день и сдѣлать труд болѣе интенсивным. Теперь мы знаем, что при машинѣ необходим рабочій высшаго типа, способный слѣдить за самыми быстрыми и незамѣтными движеніями машины и расходовать больше вниманія, чѣм силы. К таким рабочим еще можно примѣнить термин „рабочія руки", потому что они владѣют только своей рабочей силой, но эти руки одухотворены уже упорной волей, бодрствующей и сознательной. Рабочій—не собственник орудій производства, но он пріобрѣл интеллектуальныя качества, которых не было у прежних ремесленников, владѣвших инструментами. Его можно сравнить лишь с ремесленником—артистом, который был только исключеніем. Он хочет работать, потому что любит свое дѣло; в то время, как прежній ремесленник—собственник был погружен в техническую традицію,—современный пролетаріій безпрерывно прогрессирует, чтобы остаться на уровнѣ самой тонкой техники".

В основном положеніи Сорель безусловно прав и понятно, что в глазах таких рабочих предприниматель зачастую является неучем, произвол котораго возбуждает чувство справедливой досады.

„Обученіе,—пишет Вернер Зомбарт,—одному опредѣленному труду для управленія машиною требует такой же сильной спеціализаціи по крайней мѣрѣ в безчисленных случаях, как и обученіе какому нибудь опредѣленному ремеслу"*)... Чудеса современной машинной техники, как например, наборная машина, подошво-пришивальная машина или бумагопрядильная машина требуют для обращенія с ними очень способных спеціалистов рабочих и чрезвычайно тонкаго пониманія характера механизма".

Указывая на то, что фабричный пролетаріат не удовлетворял, во время появленія крупной промышленности, предъявляемым к нему новым требованіям, профессор фон Шульце-Геверниц пишет слѣдующее:—„при постоянно растущих размѣрах и скорости, при увеличивающейся производительности и сложности устройства, он (машина) требует от работника все возрастающаго духовнаго напряженія и пониманія воплощенной в ней технической идеи. Управляющій ею человѣк должен быть сыном вѣка естествознанія".

В рядѣ случаев стал непригоден и дѣтскій труд. „Количество веретен в каждой рамѣ было увеличено,—пишет тот же автор,—скорость веретен тоже, выезд каретки мюлей удлинен. Тогда дѣти стали уже непригодны; понадобились взрослые работники, которые благодаря повышенному образу жизни, могли бы удовлетворить новым болѣе высоким требованіям со стороны машин. „Отмѣтим здѣсь слѣдующій любопытный факт: американскіе предприниматели жадны до дѣтскаго труда в тѣх случаях, когда дѣло не идет о машинном производствѣ. Что же касается до относительной численности занятых на американских фабриках дѣтей ниже 16 лѣт, то она падает. В %% к общему числу рабочих, она равнялась 3,4 в 1899 г., 2,6—в 1904 г., 2,5—в 1909 году. Процент работниц равнялся 19,5, как в 1899, так и в 1904 и в 1909 году. Слѣдовательно, за счет дѣтей, растет процент взрослых мужчин. (Ценз).

„Машины становятся все сложнѣе; требуют со стороны рабочих как бы любовнаго обхожденія и сознательнаго и вниманія вложенной в них технической идеи" (фон Шульце Геверниц). Понятно, что неискусныя руки портят машины, почему, например, в Индіи изнашиваніе их значительно больше". Неудивительно поэтому, что представители Манчестера, представлявшіе индустрію: „как преимущество всѣми выставляется то, что лишь в мѣстах, исключительно насыщенных промышленностью можно найти хорошо обученное и безусловно надежное рабочее населеніе". (Ф. Ш. Геверниц).

Старыя машины требовали от рабочих чуть ли не одной только подкладки матеріала, а „Вартман,—пишет профессор, Г. Шульцер,—в своей исторіи промышлен[ности] в ее [...] Галлей [...] то, прав[д]о, благодаря [...] успѣхам, значитель[...] простой подкладочный [...] не нужна и что [...] продукта орошается [...] только от машин, но [...] жанія и внимані[я] [...] за ними работника".

„Теперь на мѣсте [...] силы требуется добросовѣст[ный] расчет и быстрота [...] работника,—которая [...] твенность за такія [...] стоимостью около 22.000 [...] сѣм переработки [...] ріалом, и должны [...] щаться с ними,—нуж[но] [...] отком рабочем дѣ[...] в высшей платѣ; [...] ных условіях жи[...] степени развитія". (по [кн.] Г. Гернер).

Можно привести [...] указаній на то, что [совре]менная машина отнюдь не отупляет [рабоч]их. „Напрасно думают—[...] Джорлис (автор одного из [...] американскаго департамента [народ]наго просвѣщенія, в [...] ніи сведены результаты [...] дній о вліяніи образова[нія на] производительность труда,—[...] современная машина требует [...] простого автомата для [...] манипуляціи: чѣм сложнѣе [меха]низм, тѣм болѣе он требует [внима]тельности, соображенія [...] сосредоточеннаго вниманія от [того, кто] им завѣдует... И так,—[...] Джорлис на основаніи [...] собранных им отзывов,—образ[ованіе] является простой [...] необходимым условіем [...] цѣнностей" (по кн. П. Г. М[...]).

„Так как,—пишет проф. [...]шаль,—машина затрагивает [...] в малой степени ту часть [...] труда, которая требует ума, [...] тѣм как руководство ею тре[бует] ума, то теперь на ума, [...] на ум и знанія гораздо бо[льше] спрос, чѣм прежде. Тѣ [...] которыя дают человѣку [...] ность приходить к быстрому [...] правильному рѣшенію в [...] затруднительных случаях, [...] ляют общія свойства [...] класса рабочих [...] отрасли производства, и [...] пріобрѣвшее их в одной [отрасли] легко может приспособить [их к] другой". „Представьте себѣ [...] говорит тот же экономист,—[...] красивую машину, которая [...] стороны приводит в [...] ную проволоку, а с другой [...] скает маленькіе [...] совершенной отдѣлки. Она [...] чает значительное число [...] достигших высокой степени [...] шенства, но проводивших [...] жизнь, сидя, напрягавших [...]

*) ... долгая практика в управленіи одною и тою же машиною ведет к такой ловкости, которая обезпечивает—пишет Shaw,—полную однородность и вообще превосходныя качества производимаго продукта". (по кн. фон Шульце Геверница).

Интеллигенція, „Народное слово" и анархисты.

„Народное слово (почему народное?)" соблаговолило заговорить об анархизмѣ. Соблаговолило в лицѣ г-жи А. Доманской под заглавіем „О малых сих" № 20, 5-XII.

Да снизойдет мир в душу г-жи Доманской, и да отбросит она от себя дух „ироніи" и своего превосходства над нами, и да поговорит не как „просвѣщенная" барышня, а равная с равными.

И да будет ей стыдно за тот тон, с которым она, цитируя Прудона, обращается к нам грѣшным. Будьте судьей, читатель! Г-жа Доманская попала в цирк „Модерн" на митинг (и смѣется при этом над словами „массовый митинг") анархо-синдикалистов (группа „Голоса труда").

Обладая наблюдательностью, г-жа Доманская слушала и смотрѣла.

Слышала она, что

„одни указывали на необходимость раздавить Учредительное Собраніе, которое об'единило вокруг себя самые реакціонные элементы страны—кадетов, и соціалистов-революціонеров, и народных соціалистов, и всяких докторишек адвокатиков, инженериков, продавшихся всѣ вмѣстѣ за тридцать сребренников. Кому?"

и видѣла:

„оратор, с **жирной вульгарной физіономіей и пошлыми жестами балаганнаго фокусника не сообщил.**"

Дальше слышала, что

„третьи ораторы говорили о том, что надо раздавить **„ниче все"**... „потому что как теперь анархистов уже **очень масса**", то они, конечно, скорѣе большевиков приблизят пролетаріат к его идеалу..."

Потом:

„один **оратор блеснул эрудиціей,** отмѣтив, что массы естественно приходят к тому положенію Прудона, что „собственность есть кража". О том, что Прудон, так же, как и родоначальник теоретическаго анархизма, англичанин Годвин, **были рѣшительными противниками революціоннаго способа осуществленія анархистских идей**—оратор не упомянул. **Так далеко образованность бѣдняги не зашла** (вездѣ курсив наш. И.)"

И поучает из Прудона:

„труд может восторжествовать над капиталом только таким образом, если он приведет себя в дѣйствіе своими же силами, посредством ассоціацій, взаимной гарантіи, самоопредѣляющейся организаціи".

Опять возвращается:

„ораторы вообще **явно старались** не слишком утомить мозги своих слушателей **всякими теоретическими и идейными обоснованіями** анархизма и говорили... **как сметать, сжигать, уничтожать, рубить, растерзать...** и т. д. Прилагательныя и имена существительныя были адекватны глаголам: гнусные, подлые, жалкие, кровопійцы, эксплоататоры, буржуи, **и интеллигенты. Послѣдним задано было по десятое число.. Слушали призывы к истребленію адвокатов, докторов, курсисток и студентов весьма сочувственно".**

Опять:

„**оратор, с жирным бритым лицом балаганнаго фокусника,** милостиво **обѣщал** впрочем **интеллигенціи,** что когда она придет **„к нам, мы примем** вас—потому что вы нам **нужны"...**

Она отмѣчает, что оратор:

„**был за ловкость рук своих вознагражден достойно.** Врядли Троцкій с Ленином сорвали, за все время своего царствованія такіе аплодисменты, как этот **малоискусный и невѣжественный оратор одной своей безстыдной фразой"...**

Слѣдующіе герои ристалища „Модерн" убѣждали...,

а у слушателей:

„разгорелись глаза, раздувались ноздри, вызывающе вскидывались головы. На возбужденных лицах с жуткой откровенностью, как тѣни на освѣщенном изнутри бумажном фонарѣ, выступали несложныя чувства, распалившіеся рѣчами ораторов... Лишнее добавляет, что **ораторами, никому невѣдомыми Черняками, Ярнуками, Шатовыми и др. ни разу не было упомянуто об очутившемся в буржуях П. А. Кропоткинѣ (откуда это? И.)".**

И заканчивает:

„Провожая с эстрады аплодисментами анархо-синдикалистов, рабочіе и солдаты кричали:—„Да здравствует анархія! Долой соглашателей! „Кого они этим разумѣли? Неужели (доканчиваем — большевиков. И.)? Так скоро."

Если бы в своей замѣткѣ г-жа Доманская ограничилась бы только этими выраженіями и опредѣленіями, которые по ея убѣжденію очень легки, женственны, галантны и преисполнены содержанія из книги „Хорошаго тона", какую проходила г-жа Доманская при своем воспитаніи (да извинит меня она, если находится в преклонном возрастѣ, что я дерзнусь ея **тона**) и далеко **„неадекватны глаголам"** употребляемых ораторами митинга, то ея замѣтку можно было бы пропустить без вниманія, но в одном мѣстечкѣ такія слова:

„С одной, с другой скамьи свѣтилась пара хороших чистых глаз. Это были глаза вѣрующих в близкое царствіе Божіе (с большой буквы. И.) на землѣ... Но таких глаз было немного. И они смотрѣли в одну точку, как смотрят в молитвенном экстазѣ, и молчали. И за это было больно и обидно до слез".

Г-жа Доманская все раскритиковала все **„не адекватно"** перебрала по косточкам. Видѣла „жирные вульгарные физіономіи, ловкость рук пошлые жесты балаганнаго фокусника, малоискусных невѣжественных ораторов, что так далеко образованность бѣдняг не зашла слышала безстыдные фразы (а фраза была такова: „то обстоятельство, что рабочіе не носят при себѣ зубочистки") [при]зывы к истребленію интеллигенціи. Видѣла на возбужденных [лицах] выступавшія с жуткой откровенностью, как тѣни на освѣщенном изнутри бумажном фонарѣ, несложныя чувства, раскалившіяся [рѣ]чами ораторов и слышала, что—ничуть она не намѣрена у[...] от милостей, предлагаемых анархистами, и что **пойдут,** [...] **за тѣми, кто больше ей посулит".**

Досталось от этой дамы (извиняюсь—может быть, не [...] не знаю) и анархо-синдикалистам, и их анархо-синдикалистским их слушателям, которые способны только на „пойти конеч[но за] тѣми, кто больше ей посулит".

Если ей повѣрить, то на митинг собрались и тѣ, и други[е] не то громилы, не то карманные воры, не то вломщики [...] кустики рук), не то душители с большой дороги, не то [...] темных переулков. Освѣщено и помѣщеніе с ораторами и [...] „героями ристалища „Модерн".

И в таком „обществѣ" общественных „отбросов" [...] с **„болью и обидою до слез за хорошіе чистые глаза"** г-жа [До]манская:

Не знаю—так ли это? В „ристалищѣ" не был, „герои [...]ольны (не Михайловскаго)" да еще под Годунова, не [...] вынужден соглашаться с описаніем г-жи Доманской, и пред[ставить] себѣ ея ужас пережитого на этом „массовом митингѣ".

Да будет так: среди толпы чудовищ в образѣ людей „с[вѣти]лась пара хороших чистых глаз" и во имя этих глаз г-жа [Доман]ская... осудила и приговорила к духовной смерти все „ристали[ще]".

Бѣдные святые апостолы, ученики Христа, безграмотные [ры]баки, невѣжественные низы евангельскаго народа, апостолы [ком]мунизма, как царства Божія на землѣ.

Если бы на наш митинг попали представители [...] части современной интеллигенціи—то как бы вам влетѣло „[по] десятое число".

И сам Христос, этот типичный провозвѣстник коммун[изма] анархизма, никогда не стѣснявшійся в „адекватности" своих [вы]раженій, был бы также „вѣжливо и мягко" осмѣян за свои [без]стыдныя фразы".

Бѣдные „низы", несчастный народ, вскормившій и вс[пои]вшій на своей груди такую интеллигенцію, и это „лучшую" ч[асть].

Что же можно сказать о десятках тысячей интеллиге[нтов] мѣщанства, интеллигенціи карточнаго стола, оперетки, [...] театра, интеллигенціи двадцатаго числа?

От этой интеллигенціи не ждите, дорогой читатель [...]

Такая интеллигенція не только презрительно отвернется [от] нас „преступных", вѣрующих в царствіе анархизма на земле, [но и] заводит благим матом:

— Это демагогія! Это махаевщина!

— Караул! Грабят.

— Распните! Распните их, исчадіе ада—анархистов!

И это, читатель, будет. Гоненіе анархизма и анархистов [...] ближайших дней. Оно будет также свирѣпо как было в Германіи со стороны Маркса и других соціал-демократов и соціалистов [...]

И боюсь, что на сторонѣ гонителей и поддерживающей [...] будут, пока стыдливо молчащіеся, и Пѣшехонов, и В. Черно[в] [...]

Покушеніе на клубъ Анархистовъ

В бывшее Морское Собраніе в Гельсингфорсѣ, нынѣ захваченное товарищами-матросами Балтійскаго Флота и превращенное в Всенародный Клуб Анархистов-Коммунистов, вечером 28 декабря были брошены двѣ разрывныя бомбы, причинившія лишь самыя незначительныя внѣшнія поврежденія.

Как выяснилось, бомбы брошены офицерами-черносотенцами. Виновные понесут должное наказаніе...

...за микроскопом и по роду своего труда не имѣющих возможности развивать какую бы то ни было способность, кромѣ простого управленія своими пальцами. Но машина эта сложна и дорога и лицо ею управляющее, должно быть интеллигентным и обладать повышенным чувством отвѣтственности, предполагающим извѣстное развитіе воли"...

„С одуряющим вліяніем машин совершенно не мирится тот факт, что рабочіе, занятые в машинном производствѣ, именно отличаются в настоящее время наибольшею степенью сознательности и развитія, нежели другіе представители физическаго труда", говорит проф. С. Булгаков. Только что приведенное сравненіе между двумя категоріями рабочих мы оставляем на совѣсти почтеннаго профессора, но тот факт, что рабочіе машиннаго труда—очень развитые люди, безспорен.

„Пользованіе машиной, бывшее первоначально механическим, потом снова становится трудом искусным,—пишет Ганс Ностиц. Не только управленіе, например, тяжелым паровым молотом требует такой же вѣрности глаза и руки, как и искусный промысел, но и ускореніе производства ставит часто такія требованія, удовлетворить которыя может только опытный, обученный рабочій; например, в текстильной промышленности быстрота хода и шин дѣлает трудными самыя простыя манипуляціи".

(Окончаніе слѣдует).

А. К.

Красненькая.

(разсказ).

Про Терентія по всей округѣ ходили слухи, что он поворовывает. Однажды он попался в большой кражѣ.

В сосѣднем селѣ обокрали суровскій магазин на нѣсколько тысяч рублей. В пропажѣ заподозрили Терентія и к нему нагрянули власти. Начался обыск. Во дворѣ, под навозом, нашли все добро, спрятанное в деревянных чанах, врытых в землю. Терентія скрутили и увезли в тюрьму. Три года он отбывал заключеніе, потом снова вернулся в деревню. Его рыжая, всклокоченная борода стала больше, в ней появились серебряныя нити; длинныя щетинистыя брови придали еще больше суровости, изрытому оспой лицу.

На Терентія всѣ смотрѣли с недовѣріем и страхом. Стали у крестьян пропадать—у кого хомут, у кого топор, а то и лошадь или хлѣб из житницы. „Ну, пошол опять шалить",—заговорили крестьяне. В одну осеннюю ночь, загорѣлся дом священника. Раздался набат, встревоженные мужики выскочили из своих хат полусонные, неодѣтые. Пламя разливалось все шире и шире, пожирал деревянныя постройки. Сгорѣло больше половины села. Заподозрили Терентія. Свидѣтелем был пастух, который видѣл Терентія, бѣгущего [illegible]. Осужденный, он был сослан в Сибирь. Вскорѣ о нем стали забывать... Но он вернулся...

... Полночь. Косматая вьюга буйно бьется о стѣны уснувших избенок, поет и жалобит в трубѣ, стучит под окном, скрипит воротами, шарит по щелям, словно вор.

В глухом переулкѣ, в крайней избенкѣ, брезжит огонек, сквозь запушенное вьюгой окно свѣтит крохотная лампочка на столѣ, слабо освѣщая углы и темный лик Спасителя в терновом вѣнкѣ. На лавкѣ, в шубѣ сидит старушка. Веретено тянет однообразную пѣсню, чуть-чуть стукая о черную половицу.

— [illegible]—[illegible] старушка беззубым ртом. Лицо у нея изрыто глубокими морщинами, глаза ввалились, но, ясные, глядят привѣтливо.

Вьюга бѣшено скачет за окном, избушка вздрагивает покосившимися стѣнами. В сѣнях, что-то упало. Старушка вздрогнула и, кряхтя, поднялась с лавки.—Господи Іисусе!.. Она вышла: то-ли в калитку кто стукнул... Услышала скрип снѣга под чьими-то ногами.

— Кто там?

— Открывай!

Господи, да кто ты? прохожій, что-ли?

— Открывай! говорят, старый четвертак!

Под сильными ударами калитка трещала, гнулся деревянный запор.

— Обожди!.. отворю!.. Что ты?..—говорила старушка, открывая засов. С шумом распахнулась, обдавая холодом и снѣжною пылью, калитка.

Почти шатаясь, хозяйка вошла в избу, за ней незнакомец, в овчинном полушубкѣ, в кожаных рукавицах, в башлыкѣ, в валенках, огромный, рыжій, бородатый. Зорко осмотрѣв избу, он сказал: Не ждала, поди, гостя?

— Терентій! Батюшка, не губи!..

— Говори, куда деньги запрятала?.. Поди, тыщи без меня накопила? Ну, сказывай...

— Видит Бог, одна красненькая... только, Терентьюшка.. возьми, коли надо, Господь с тобой...

— Не вру, Терентьюшка... Видит Бог, не вру... Одна красненькая... на похороны берегу... больше ни грошика нѣтути... Вон там, возьми ее, голубчик...

Старуха указала на сундук. Разбойник не слушал ея: „Гдѣ тыщи лежат, говори!.."

— Ой, нѣтути тыщ-то. Терентьюшка... красненькая только, не губи...

Терентій схватил старуху за горло... — Ба-тю-ю,.. не губи!.. Злодѣй все крѣпче сжимал горло своей жертвы. Вьюга по прежнему постукивала в окно, жалобно пѣла в трубѣ. Терентій выпустил из рук почернѣвшую старуху. Труп упал к ногам убійцы. Терентій пошарил в карманах и, вынув долото, нанес им в голову старухи нѣсколько ударов. Темная струя поползла по виску, крася сѣдые волосы. Терентій бросил под печку окровавленное долото. „Ну а деньги должны быть у вѣдьмы... Врет что одна красненькая". Вытащил облупившійся сундучок, он свернул замочек, открыл, выбросил разный хлам: липовые лапти, холст... На умирало берегла... На днѣ ящика в уголкѣ синенькій холщевый мѣшочек; вывернул... Вынял одна красненькая... Неужто только и капиталу?..

Все перерыл Терентій—ничего, кромѣ одной красненькой. А говорили тыщи у нея"—бормотал убійца, стоя посреди избы и (осматриваясь) кругом; из передняго угла на него глядѣли глаза Спасителя в терновом вѣнцѣ, они словно говорили: „Что ты сдѣлал?" Жутко стало Терентію от этого взгляда, первый раз в жизни увидѣл он эти глаза, смотрѣвшіе на него, как живые. „Убивец!.. убивец"!.. зазвенѣло в его ушах. За окном завывала вьюга. Холодный пот выступил у него на лбу. Убійца поглядѣл на старуху, распластанную у его ног, лицо его исказили ужас и брезгливость: в ея головѣ зіяли глубокія раны, худыя костлявыя руки, забрызганныя кровью, разметались плетями.—„Не губи... одна красненькая... Возьми...—Вот она!.."—комкая в руках кредитку, бормотал Терентій: „из-за красненькой убил!"

От порыва вьюги избушка вздрогнула, лампочка погасла. Терентія обняла жуткая темнота. „У-у-у-у"! снова зазвенѣло в его ушах, ему почудилось хрипѣнье старухи и безсвязное бормотаніе. В ужасѣ он выбѣжал из избы и бросился в темноту... Колкая пыль хлестала его в лицо, всклокоченные волосы развивались. „У-у-у-у"! гудѣло со всѣх сторон. Вьюга жалобно стонала и плакала.

. . . .

Утром перед исправником стоял посѣдѣвшій, сгорбившійся, но с ясным взглядом Терентій и доносил сам на себя.

Н. С. Тихомiров.

Жертвы буржуазіи.

Минская губ.

Ухудшающіеся изо дня в день снабженіе **Минска** хлѣбом дошло теперь до крайности. **Всѣ запасы хлѣба окончательно истощены.** Доставка хлѣба из Украины, в виду создавшагося там положенія прекращена. Из уѣздов Минской губерніи, хлѣб продолжает не выпускаться.

Один из уѣздных комитетов, „оказавшійся добрѣе" других, прислал в Минск 500 пудов ржи, совершенно гнилой, от которой отворачивается скот. Минскій городской продовольственный комитет вертится как бѣлка в колесѣ, по крохам собирая с окрестностей зерно и муку. Теперь изсякает послѣдняя надежда. Предполагается, что с понедѣльника хлѣба в Минскѣ уже не будет. В уѣзды выѣхали военные эксплоатаціонныя комиссіи для извлеченія хлѣба для арміи и населенія. Запасы хлѣба в деревнях оказываются значительными. Во многих мѣстах крестьяне хранят не только свѣжее и прошлогоднее зерно, но и запасы **позапрошлаго года.** Зерно перегоняется в водку, сбываемую по дорогой цѣнѣ, или же идет в кормешку свиньям, продаваемым затѣм от 700 до 1.000 руб. и болѣе.

Смоленская губ.

В г. Бѣлом, Смоленской губ на недавнем засѣданіи городской думы выяснилось **катастрофическое** положеніе города с **продовольствіем.** Исчерпаны всѣ запасы. Рѣшено приступить к приготовленію хлѣба из **льняного сѣмени** с тѣм, чтобы это производство суррогатов, поручено было спеціально организованной хлѣбопекарнѣ.

Из общих преній по этому вопросу выясняется, что отсутствіе хлѣба будет носить затяжной характер до тѣх пор, пока не будет улажен вопрос с центральной Украинской Радой, а потому дума рѣшила: все льняное сѣмя, имѣющееся в городѣ, переколоть. Рѣшено просить военно-революціонный комитет, чтобы послѣдний содѣйствовал в предѣлах уѣзда пріобрѣтенію овса или овсяной муки для приготовленія суррогатов голодающему населенію.

Новгородская губ.

В г. Тихвинѣ запасы абсолютно всѣ исчерпаны. В городѣ и уѣздѣ голод. Из Череповца поступаетъ, [illegible] 100,000 граждан, голодают. Может быть голодный бунт. Немедленно распорядитесь доставкою хлѣба.

Спасскій уѣзд.

В селѣ Ижевском, гдѣ крестьяне, имѣя хорошіе заливные луга, издавно занимаются скотоводством, открылся недавно сыроваренный завод, обезпечившій населенію выгодный сбыт молока. Но вслѣд за одним предпринимателем потянулись и другіе.

Явилась конкурренція и в результатѣ цѣны на молоко стали расти неимовѣрно. В ноябрѣ, например, пуд молока стоил 7 р., а в декабрѣ за него платят уже 14 руб.

Зажиточные крестьяне, имѣющіе много молочнаго скота радуются **такому повышенію** цѣн, но бѣднота и особенно бѣженцы вынуждены голодать. Молочные продукты становятся недоступными, **а хлѣба в селѣ нѣт** и на столбах красуется об'явленіе управы, призывающей имущих **„жертвовать заимообразно хлѣб во избѣжаніе голоднаго бунта".**

Инструктор по молочному дѣлу совѣтовал крестьянам передать молочное дѣло в вѣдѣніе общества потребителей, но крестьяне, продающіе молоко, наотрѣз отказались от его совѣта.

Злостная **спекуляція с молоком,** усиливая дороговизну, порождает в волости погромное настроеніе.

Усть-Волмы.

С 2 ноября по настоящій день поступленія хлѣба в Усть-Волмскую волость совершенно не было. Пріѣзжавшіе воинскіе чины Новгорода при реквизиціи собрали всего 24 пуда ржи на волость. Дѣлили особо нуждающимся по одному фунту на ѣдока. 2 ноября по ноябрьской нормѣ выдано по десяти фунтов. **Наступает настоящій голод со всѣми страшными послѣдствіями.** Молим придите на помощь, дайте сколько нибудь хлѣба для голодающих 500 человѣк волости.

Письмо в редакцію.

Дорогіе товарищи!

[illegible] начала революціи, я присоединился к партіи соціалистов-революціонеров и всѣми силами старался ее поддерживать. Почему, да просто потому, что программы (кромѣ программы партіи соціалистов - революціонеров) других

...скій, и Левин с К°, и Короленко (первый шаг их сдѣлан по Совѣтам), и Леонид Андреев, и проч., проч.

А за ними дикам роем шабаша рождественских вѣдьм и колдунов сбрушатся и всѣ, чья жизнь числятся сотрудниками на заглавных листах „Русскаго Богатства", „Современнаго Міра", „Русской Мысли", „Дѣла Народа", „Новой Жизни", „Правды", „Воли Народа", „Народнаго Слова", „Русских Вѣдомостей" и остальных, стоящих праздно. Их книги и газеты пишутся не для нас. Мимо дверей их редакцій мы можем проходить с понурою головой и пустыми карманами, ежась от их холода сердца, болѣе их разума.

Болью сжимается сердце. Плачет и рыдает душа в предвидѣніи этой Голгофы, но... читатель...

Да будет Голгофа!

Потому что эта чаша, как и Христа, нас не минет.

Мы ее ждем и примем, как нам уготованное. Во имя этой пары праведников, Нашли, что мы „не заслуживаем снисхожденія", во имя „пары глаз вѣрующих в близкое царствіе Божіе на землѣ" она не помиловала нас, как во имя нѣскольких праведников ея Бог миловал цѣлые преступные города.

Я не был на „ристалищѣ", но охотно становлюсь в ряды этой „ужасной толпы"...

А читателя приглашаю спросить г-жу Доманскую об отношеніи ея к анархизму вообще и анархо-синдикализму в частности, а, кстати, и отношенія анархизма к ней лично и к сотрудникам „Народнаго Слова" далеко не „героев ристалища Модерн", а героев помѣщенія со Шпалерной, 18 („пожертвованное") каким-то сіятельным лицом...

Отвѣтить на связь и отношеніе анархизма к нам лично, у которых в эткіе морозы дырявая обувь и пальцы глядят из обутых, а эта статья пишется в накуренной комнатѣ за грязным столом извозчичьяго трактира, когда голова кружится от дыма (не курю) и в желудкѣ схватки голода...

Как видите—обладаю нѣкоторыми „добродѣтелями": не курю, не пью, в карты не играю, ничѣм не увлекаюсь, кромѣ поисков [illegible] спасенія" рабочей и крестьянской массы от ея безграмотности, легковѣрія, суевѣрія и „стараюсь" поднять ее до уровня [illegible] вѣщающаго благополучія и благополучія, которым вѣет от [illegible] „Народнаго Слова".

[illegible] отбрасываю, ваши способы борьбы булавочными уколами: „поучение масса" и предлагаю высказать перед нами, что вы всѣ— [illegible], чистенькіе (для и хлѣба то не был мѣсяцов пить), благонравные, причастные к министрам-социалистам, как Пѣшехонов,— что вы всѣ понимаете под анархизмом и в чем вы видите спасеніе нас „преступников".

Укажите в чем настоящая дѣятельность всей этой перечисленной в составѣ сотрудников „Народнаго Слова" интеллигенціи (вѣдь всѣ они пожалуй себя считают интеллигентами да еще и вождями) для нас голодающих, грязных и [illegible] Иванова Разумника) для нас голодающих, грязных и оборванных.

Затронем нашу настоящую жизнь, всю цѣликом, перевернем всѣ наши предразсудки и поставим такія противоположности: вашу [illegible] письменный стол и комнату с книгами и нашу обстановку трактира, вашу профессуру в кабинетах, в квартирах с прислугой, электричеством и вашу бездомность, ваши знанія соціализма и слѣдованіе в им знаніям („Нар. Сл." называется соціалистическим органам) но, как видно, для далекаго будущаго, ваши знанія анархизма и в чем ему вы практически слѣдуете.

Переберем все, ничего и никого не пока[illegible], и тогда будете имѣть право бросить нам упрек в нежеланіи быть такими лойяльными, такими примѣрными и такими угодными праведниками перед вашим Богом.

Докажите нам, „никому невѣдомым", в чем ваши заслуги перед упоминаемом Вами русским народом? Чему мы должны у вас учиться? За что вас почитать? Кормить вас на народные деньги? В чем ваша чистота и святость и право так говорить сверху внизу с насмѣшкой и без апелляціонной непогрѣшимостью, об'ясните в чем оправданіе вашей претензіи, быть вставленными в рамки, помѣщаться со святыми в народной божницѣ, право на то, что бы вам ставили свѣчи и жгли лампадки. Право создавать вмѣсто цѣпей крѣпостных и государственных много других (не по Некрасову).

Пусть же Доманская укажет, наконец, честно и откровенно в чем же ея боль до слез за „пару хороших черных глаз вѣрующих в близкое царствіе Божіе на землѣ".

И почему г-жа Доманская, как будто бы не вѣрить в близкое царствіе Божіе на землѣ, чѣм это обосновывает и почему, повидимому, ошибка „пары глаз вѣрующих в Царствіе Божіе на землѣ".

Спросите, читатель, у г-жи Доманской, есть ли выход нам грязным и преступным, погрязшим в пороках и во всѣх семи смертных грѣхах из нашего голоднаго тупика? Если же мы люди обреченные на вымираніе, на рабство, то почему? В чем эта фатальность и что против нея предпринимает г-жа Доманская и народные соціалисты из „Народнаго Слова", с Пѣшехоновым во главѣ.

За что? За какія заслуги в прошлом перед народом хотите, чтобы из вас дѣлали авторитет, создали божеват для идолопоклонства.

Нужны ли народу авторитеты, нужны ли народу боги и божената?

Если нужны, то почему?

Почему вы не требуете от народа и не говорите ему, что боги вредны для воспитанія творчества, они гасят дерзновеніе и пытливость.

Почему от вас не слышно:—„Долой богов, долой авторитеты! Будьте сами, как боги, авторитетом! Станьте, самодѣятельными, сдѣлайтесь творцами и творите своими руками свою народную жизнь.

Да не подумает, читатель, что мы придаем г-жѣ Доманской какое нибудь реальное значеніе.

Нѣт, дорогой читатель!

Мы взяли ея имя, как примѣр, как символ, трудовой, мнящей себя соціалистической, интеллигенціи.

Интеллигенціи, якобы болѣющей нашей болью, живущей нашими пытками, глубоко страдающей за нашу дикость, некультурность, грубость, преступность, за наше политическое, соціалистическое и анархическое „теоретическое и плевное" невѣжество и... так нас „жалѣющей" на страницах своей „соціалистической" газеты.

В лицѣ г-жи Доманской, как фокусѣ, об'единена почти вся общественная и писательская интеллигенція, которая считает за собой заслуги перед русским народом, как боевой офицер или солдат, на ордена и кресты.

За свое прошлое (какое—каждый опредѣляет по своему) они **не прощают нам настоящаго.** Им, комнатным людям, человѣчкам газетнаго дня и книжки журнала, далека наша анархическая душа (психологія) ежедневной тяжелой борьбы в погонѣ за заработком хлѣба насущнаго. Чужда психологія ежедневно забывающагося в мрачных испареніях подвала, скученности „углов" коечно-каморочных **человѣческих логовов,** гдѣ приглашают жильца на вторую половину кровати.

Этой интеллигенціи, если не далека, то, во всяком случаѣ, **не родственна мятущаяся, рвущаяся к познанію и свѣту мысль** придавленнаго всѣми и всѣм.

Эта интеллигенція может нас представить в том видѣ, как я привел в вырѣзках из „Народнаго Слова".

Эта интеллигенція способна наивно и искренне думать, что ея интеллигентская газета есть **народная** и дает ей названіе „Народное Слово".

Эта интеллигенція привыкла к удобствам, к нѣкоторому даже комфорту... Как же ей привыкнуть к „ристалищу" и его „героям".

Они—чистенькіе, а мы—грязненькіе,

Полюбите нас такими, каковы мы есть. Вспомните, господа, написанное Пѣшехоновым в 1907 году: **„Человѣк, под ноги котораго мы желаем покорить мір,**—это ваш ближній, **и мы берем его таким, каков он есть,** нисколько не смущаясь тѣм, что находим его **в „грязи и с сумой"**. Пусть личность в массѣ невѣжественна, пусть ея человѣческое достоинство принижено, пусть она безпомощна—это **не мѣшает нам признать ея верховенство.** Мы знаем ея язвы и **несовершенства. Тѣм сильнѣе наше желаніе всякаго темнаго, забитаго и голоднаго человѣка сдѣлать умным, сильным и довольным, сдѣлать счастливым** (за точность не ручаюсь, пишу на память)".

Давно-ли писалось?! А теперь тѣ же интеллигенты и народные соціалисты в своей же газетѣ вон какіе вывели перлы по адресу нас „забитых и голодных".

Я все это привел, как живые документы интеллигенціи в противовѣс разсказу Короленко, интеллигенція из той же группы „вѣдомых", под названіем „Сон Макара".

„Сон Макара" написан в ярких тонах индивидуальнаго анархизма (кстати, читатель, прочтите—имѣется в отдѣльном изданіи).

Там имѣется момент, когда Макар, осужденный Богом стать лошадью и возить исправника до второй смерти, восстал против постановленія самого Бога и объявил анархическое **[illegible] сопротивленіе.**

Бог говорил Макару: „Лицо твое темное, глаза хмурые и одежда разорвана. А сердце твое поросло бурьяном и терніем, и горькою полынью. Вот почему я люблю моих праведных и отвращаю лицо от подобных тебѣ нечестивцев".

Так гнѣвен был Бог. Очевидно к этим праведникам причисляет себя наша интеллигенція и всѣ остальные, с позволенія ска-

Русская Революція убила войну. Теперь она уничтожает собственность. Завтра она приведет нас к полной Свободѣ – к Анархіи.

партій я не знал, а сравнивал тот порядок, который был у нас в Россіи при самодержавіи и который мог быть устроен по программѣ эсеров, моему бѣдному темному мозгу показался раем, потому-то я и поддерживал всѣми силами партію эсеров, а, слѣдовательно, и временное правительство.

Но теперь я стал прозрѣвать.

Я прочитал программы всѣх партій и убѣдился, что тот строй, который обѣщают эсеры, есть жалкая подачка, едва-ли даже могущая смягчить, но, конечно не уничтожить рабство и гнет, что нужно что-то другое, что-то болѣе жизненное, болѣе свободное надо то, что сможет **сразу разрушить все старое.**

Такая искорка и раньше тлѣла у меня в мозгу, когда я еще думал, что Анархія это величайшее зло, что анархисты это только убійцы и грабители.

Теперь мое мнѣніе о Вас другое.

Как раньше, по своему невѣжеству, я презирал вас, то теперь, немного почитав, так обожаю, что жизнь готов отдать за Анархію и анархистов, а потому я заявляю я анархист-коммунист и мое самое горячее желаніе принести как можно больше пользы самому чистому, лучшему, а это есть только Анархизм, а потому...

Да здравствует Анархія!

Рабочій, а теперь солдат 9 Сибирскаго полка Команды связи

Иван Глинин.

Вѣсти из провинціи.

Москва.

С прекращеніем военных заказов в московском районѣ **закрывается цѣлый ряд предпріятій.** Так, на-днях закрывается огромный снарядительный завод. Комиссаріатом Труда выработаны слѣдующія условія разсчета рабочих. **Всѣм рабочим выплачивается 20 проц. на заработанную сумму за все время существованія завода. Кромѣ того, рабочим выдается на руки жалованье за 6 мѣсяцев и за шесть недѣль вносится в особый фонд помощи безработным.** Если администрація примет эти условія разсчета, то ей придется заплатить рабочим свыше 6 миллiонов рублей.

Елизавето-Пожевскій завод, Перм. губ.

Рабочіе Елизавето-Пожевскаго завода **обезсилѣли от угнетенія тирана Львова. Всюду свирѣпствует безработица, а поэтому приходится работать за безцѣнок.** Сам Львов все время в разъѣздѣ, а его приспѣшник, довѣренный, бывшій земскій начальник, Садовскій, ссылается на отсутствіе Львова и на всѣ просьбы рабочих отвѣчает: „просите самого хозяина, он телеграфировал, что пріѣдет через три недѣли“. Рабочіе ничего не предпринимают и ждут пріѣзда хозяина, а это длится уже довольно долго.

Под Черное Знамя.

(Посв. тов. Б. Верхоустинскому).

Мы подняли Черное Знамя
Безвластія символ святой;
Пылает возстанія пламя—
Свѣтильник борьбы роковой.

И шли мы по тундрам безплодным,
Гдѣ сѣверный вѣтер шумит,
Томились по тюрьмам холодным,
Дробили по шахтам гранит.

Нам часто в застѣнках тюремных
Грозил равнодушный палач,
Но в сумерках сѣрых и блѣдных
Никто не услышал наш плач...

И шли мы путем одиноким,
Бросая мятежный призыв,—
И счастье казалось далеким,
Безумным—наш гордый порыв.

Но вот запылала зарница
И близится солнечный свѣт.
Улыбкой поблекшія лица
Украсил далекій разсвѣт.

Товарищи! может быть, скоро
Анархіи солнце взойдет,
И призраков темныя своры
Могучій порыв унесет!

Смыкайтесь под Черное Знамя,
Безвластья святого сыны!
Пылает возстанія пламя
И сбудутся смѣлые сны!

Сѣверный Агасфер.

Анархизм и кооперація.

(конспект к докладам С'ѣзда).

1) Общее стремленіе людей к лучшей жизни. Пробуждение анархизма.

2) Стремленіе англійских, французских и нѣмецких мыслителей: Оуэна, Фурье, Прудона, Маркса, Каутскаго.

3) Поиски выхода в производительных артелях и ассоціаціях.

4) Провалы опытов.

5) „Случайное“ открытіе потребительной коопераціи.

6) Что такое потребительная кооперація? Десять заповѣдей кооператора.

7) Исторія и рост потреб. кооп. в Англіи и Россіи.

8) Кооперація, как открытый способ самоуправленія в полицейском государствѣ (Собранія, Протоколы, Выборность правленія).

9) Кооперація—практическое проявленіе иниціативы и самодѣятельности.

10) Кооперація и банки. Кредит и Московскій Народн. банк. Лавочники, Посредники, Коммиссіонеры, Оптовики, Фабрика и Завод. Трудящійся и рабочій.

11) Кооперація и Моск. Союз. Потреб. об-в и Сиб. О-во от закупок собственное—производство.

12) Кооперація и просвѣщеніе. Инструкторство. Курсы. Библіотеки. Театр. Университет Шанявскаго.

13) Задачи профессіональных союзов. Замкнутость. Нѣт анархизм.

14) Задачи политических партій. Замкнутость. Нѣт анархизма.

15) Задачи потребительной коопераціи. Независимость. Свобода. Самостоятельность. Фабрика кооператива рядом с фабрикой Капитала.

16) Независимость кооператива от профессіональнаго союза и партійной кружковщины.

17) Свобода и независимость вступленія в потребит. кооперацію. В чем успѣх потребит. коопераціи? Дух Анархизма.

18) Причина неуспѣха профессіональных рабочих организацій. Полурабство и замкнутость.

19) Причина неуспѣха производительной коопераціи. Обособленность. Однообразіе навыков. Замкнутость.

20) Копартнершип и его слабый успѣх.

21) Десятки тысяч петроградских лавочников и рабочій потребитель. Сотня оптовых складов. Спекуляція. Участіе в спекуляціи банков.

22) Закрытіе заводов. Безработица. Двигательная сила царь голода.

23) Деньги и участіе государственнаго банка в коопераціи до полнаго перехода на государственный соціализм.

24) Как мыслился государственный соціалистическій строй и строй анархическаго порядка? Мы и наше будущее.

25) Грызня партій. Выборы в Учредительное Собраніе. Обѣщаніе партійных программ и практика партійной власти. Результаты: кровь и жертвы.

26) Гдѣ выход? Организація потребительной коопераціи. Переход всей мелочной и оптовой торговли в руки потребительных обществ. Созданіе обществами собственнаго производства. Переход фабрик и заводов в кооперативныя руки.

27) Двигатель: просвѣщеніе, пробужденіе сознанія в массах. Пониманіе Анархизма и Анархіи.

28) Заключеніе. Дѣйствительность и правда данной минуты.

лать, „Народные соціалисты“ из „Народнаго Слова“. Но—продолжаем.

Послѣ таких слов Бога: „Сердце Макара сжалось, он чувствовал стыд собственнаго существованія, он было понурил голову, но вдруг поднялся и заговорил опять:—О каких это праведниках говорит Бог. Если о тѣх, что жили на землѣ в одно время с Макаром в богатых хоромах, то Макар их знает... **Глаза их ясны, потому что не проливали слез столько сколько их пролил Макар, и лица их свѣтлы, потому что обмыты духами, а чистые одежды сотканы чужими руками...** А между тѣм, развѣ он не видѣл, что и **он родился, как другіе,—с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное в мірѣ?** И если теперь он желает скрыть под землю свою мрачную и позорную фигуру, то в этом **вина не его.** А чья же? **Этого он не знает... Но он знает одно, что в сердцѣ его истощилось терпѣніе... В его сердцѣ вливалось слѣпое отчаяніе.** Вот он отдал всю свою горькую жизнь. **Как мог он до сих пор выносить это ужасное бремя?** Он нес его потому, что вперед все еще маячила—звѣздочкой в туманѣ—надежда. **Он жив, стало-быть может, должен еще испытать лучшую долю...** Теперь он **стоял у конца, и надежда угасла... Тогда в его душѣ стало темно, и в ней забушевала** ярость, как буря в пустой степи глухою ночью, он забыл, гдѣ он, пред чьим лицом предстоит,—**забыл все, кромѣ своего гнѣва**“...

Но старый Бог сказал ему: „Погоди, бѣдняга! **Ты не на землѣ... Здѣсь** и для тебя найдется правда“...

Старый Бог, по словам Короленко, **пожалѣл** Макара и простил ему всѣ его преступленія, ему полудикарю, человѣку из „Народных низов“.

Но это было **на том свѣтѣ.**

Развѣ это не символично?!

Не так ли **и** интеллигенція собирается нас вознаградить за **все** пережитое в этот момент, конца 1917 и начала 1918 года когда **в** нашей душѣ **бушует ярость и вливается слѣпое отчаяніе!?**

Награда на том свѣтѣ.

Но, дорогой читатель, нам нужна награда теперь, **сведеніе итогов на этом свѣтѣ** Бог (на то он и Бог) пожалѣл Макара и Макар от сознанія, что **его жалѣют,** заплакал.... „**И старый Бог тоже плакал... И плакал старый** попик Иван и молодые божьи работники (ангелы) лили слезы, утирая их широкими бѣлыми рукавами“....

Плакал весь состав небеснаго судилища. Но заплачут ли всѣ нашему горю, читатель, соціалисты интеллигенты—сомнительно.

Все же не будем терять надежды **читатель и спросим.**

Иванович.

Р. S. Кстати, спросим и писателя Короленко: не откажется ли он от „литературной собственности“ на разсказ „Сон Макара“.

А то, шутка ли, писатель „народник“, а цѣна на книжку от издателя 20 коп. Эх! народники!

И.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ ЦК ВКП(б)

Кременчуг.

При отдѣлѣ труда городской управы образовалась **спеціальная** подкомиссія для разработки вопросов, связанных с демобилизаціей военной промышленности и **переходом предпріятій,** работающих на оборону, к производству предметов потребленія мирнаго времени.

Сергіенско-Уфалейскій округ.

Все имущество акц. о-ва Сергинско-Уфалейскаго горнаго округа, в виду отказа заводоуправленія подчиниться декрету о введеніи рабочаго контроля, конфисковано Совѣтом Народн. Коммиссар. в пользу государства.

Организація и управленіе заводами и мастерскими устанавливается ком. торговли и промышленности.

Кострома.

Общее собраніе союза ремесленников 1 декабря постановило войти с ходатайством в городскую управу передать всю муку, отпускаемую на выпечку хлѣба для городского населенія, союзу пекарей, в виду скопленія большого числа безработных, вернувшихся с фронта пекарей.

В свою очередь союз дает гарантію, что город будет обезпечен необходимым количеством печенаго хлѣба и что союзом будут приняты всѣ мѣры к уничтоженію хвостов.

Правленіе о-ва постановило протестовать против захвата завода.

Путиловскій завод.

Совѣт народных комиссаров постановил принять Путиловскіе заводы со всѣм имуществом, в чем бы оно ни состояло, **в собственность Россійской Республики, в виду чрезвычайной** задолженности акціонернаго общества Путиловских заводов казнѣ.

Организація управленія заводами и дѣлами означеннаго акціонернаго общества возлагается на народнаго комиссара торговли и промышленности.

О-во спальных вагонов.

В виду отказа управленія автомобильных мастерских международнаго общества спальных вагонов продолжать работу в мастерских общества совѣт нар. ком. постановил **конфисковать мастерскія со всѣм имуществом.**

Союз домашней прислуги.

Состоялось общее собраніе членов профессіональнаго союза мужской и женской домашней прислуги; выработаны требованія и переданы в Комиссаріат Труда на разсмотрѣніе и утвержденіе. Главная задача союза: вводится 8-ми часовой рабочій день и для прислуги установить опредѣленную минимальную расцѣнку каждой категоріи и добиться при увольненіи предупрежденія за мѣсяц вперед или уплаты жалованья и содержанія за этот мѣсяц. До сих пор союз не имѣл возможности распубликовать условія найма. У него не было своего бюро труда. Теперь биржи труда перейдут в управленіе Проф. Союзов и союз будет имѣть эту возможность. Наблюденіе за проведеніем в жизнь 8-ми часового рабочаго дня и тарифа союз думает передать „Домовым комитетам домашней прислуги“, к организаціи которых уже и приступил, для чего и намѣтил объединить всю домашнюю прислугу в один союз.

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ.

Арматурный завод.

Петроградскій завод петроградскаго арматурно-электрическаго акц. о-ва, в связи с введеніем рабочаго контроля, фактически находится в руках рабочих, но работа на заводѣ почти не производится, т. к. вся дирекція, техническій персонал и часть служащих ушли.

Группа Анархистов-Коммунистов Нарвскаго района извѣщает товарищей и сочувствующих, что **в воскресеніе, 31 декабря, ровно в 10 ч. утра,** в помѣщеніи клуба **Обводный кан., 122,** бывш. гостиница **Бристоль,** 3-ій этаж), состоится **собраніе.**

Ввиду важности вопросов, присутствіе товарищей **необходимо.**

СОБРАНІЕ.

Анархистов Петергофскаго района в воскресеніе, 31 декабря в 2 ч. дня, в помѣщеніи клуба **Петергофское шоссе, 53.**

Редакціонная коллегія:
Александр Ге.
Б. Верхоустинскій.
А. Карелин.
Н. Солнцев.

В пятницу, 5-го января, в 6 ч. вечера

в столовой Металлическаго завода

Тимофеевская ул., 7 (Выб. стор.),

тов. ВОЛКОВ

прочтет лекцію на тему

Анархизм и Кооперація.

вход **50 коп.** солдатам **25 коп.**

(Подробный конспект лекціи см. в этом же №).